

**20-летию начала Второй Чеченской
войны посвящается!**

Юрий Тимофеев

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

КНИГА 4. ШТУРМОВОЙ ОТРЯД ПЕХОТЫ

16+

Юрий Тимофеев
Не ходи служить в пехоту!
Книга 4. Штурмовой
отряд пехоты. 20-летию
начала Второй Чеченской
войны посвящается!
Серия «Не ходи служить
в пехоту!», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51361815

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-07470-5

Аннотация

Власти замолчали скорбный юбилей начала второй чеченской войны. Автор считает такое поведение властей позорным. Посвящается всем, кто служил в мотострелковых и танковых полках, всем, кто тянул ляжку в пехоте и с пехотой.

Время уходит и память о тех событиях стирается. Разве можно допустить чтобы мы забыли о людях ставших на защиту интересов России? Можно допустить забвение памяти наших воинов? Моя память – эта серия книг. Мой личный и непосредственный вклад

в дело. Я не профессиональный писатель – поэтому не ждите от книги "высокого слога" и "высокохудожественного текста". Я самый обычный бывший армейский офицер, И мой рассказ о том как виделась эта война пехоте. Кто брал высоты на Терском хребте? Кто штурмом брал город? Самые простые солдаты, сержанты, офицеры. И вовсе не спецназа, а самая простая пехота. Это правда.

Книга не только о войне, но и про жизнь. Основана на реальных событиях. Герои являются результатам воображения автора, совпадение с реальными людьми только случайные.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юрий Тимофеев
Не ходи служить в пехоту!
Книга 4. Штурмовой
отряд пехоты. 20-летию
начала Второй Чеченской
войны посвящается!

Предисловие

Четвертая книга серии «Не ходи служить в пехоту!» посвящается 20-летию второй чеченской войны.

Сергей Говорухин говорил:

«Великая Отечественная дала уникальное поколение в искусстве. Война делает человека взрослее, аскетичнее, мудрее. Сейчас этот опыт приобрести довольно просто: есть желание – езжай в зону боевых действий. Многим из наших так и не повзрослевших режиссеров – «тинэйджеров» это бы только принесло пользу. Но такой опыт им не нужен. И поэтому правомерно говорить об отсутствии гражданского темперамента у художников, об их инфантильности.

Как будто жук-короед поразил наше искусство. Но гражданский темперамент отсутствует сейчас не только у художников – почти у всех нас. Мы делаем вид, что ничего особенного не происходит. А надо не только говорить – надо кричать о том, что делается в Чечне. На это должен реагировать весь народ».

Я не писатель, не профессионал. В прошлом самый обычный армейский офицер и теперь автор нескольких книг. Не ждите от меня высокопрофессионального текста, высокого слога и чего-то «высокохудожественного», как говорят в определённых кругах «потрясающего» – непременно восторженным тоном. Взялся за это (не своё) дело только потому что не вижу мастеров культуры, которые бы написали настоящие художественные книги о современных войнах, о людях в них участвовавших. Или создали бы фильмы – «потрясающие!». Время уходит и память о тех событиях стирается. Разве можно допустить чтобы мы забыли о людях ставших на защиту интересов России? Можно допустить чтобы мы забыли те события? Можно критиковать этих наших признанных деятелей культуры. Бесполезно. Мой ответ – эта серия книг. Это мой личный и непосредственный вклад в дело. При этом я не критикую своих «коллег», настоящих писателей. Написал, уже хорошо – это лучше, чем забвение о героях былых войн.

Руководство нашей страны бездумно ввязалось в первую чеченскую войну, но потерпело в ней горькое поражение.

Причин поражения было много, особенно политических. О них вам рассказывают политики и политологи, пропагандисты и журналисты. Таких рассказчиков и аналитиков очень много. Я скажу лишь немного: главной причиной было то, что Борис Ельцин и Виктор Черномырдин не прислушались к мнению тогдашнего министра обороны, генерала армии Павла Грачева и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерала армии Михаила Колесникова, которые выступали категорически против начала войны и просили, по крайней мере, ее отсрочки в целях подготовки к ней, прежде всего, мотострелковых полков, пехоты. Главной военной причиной поражений в боях (но не в войне) было то, что мотострелковые полки и бригады, входившие в Чечню, были практически без пехоты, то есть войну начинали фактически бронегруппы мотострелковых полков и бригад, а парашютно-десантных полков было слишком мало, для того чтобы решить поставленные задачи. Ставка руководства страны на части внутренних войск МВД РФ также не оправдалась. И уже в ходе войны руководство наших Вооруженных сил вынуждено было срочно комплектовать мотострелковые полки личным составом, собранным из различных родов войск Вооруженных сил, собранных со всей страны, никогда не служивших в пехоте. Одно это обстоятельство сделало их участие в войне настоящим подвигом. Именно пехота, вступившая в бои за город Грозный, изменила ход той войны. Но политическое руководство не

смогло воспользоваться победами, с большой кровью добытыми обычной пехотой, морской пехотой и крылатой пехотой. Очень много после той войны звучало упреков и откровенных издевательств в адрес мотострелков, то есть той самой обычной пехоты. На эти темы рассуждали все возможные «спецы» (военнослужащие и сотрудники милиции, подразделений специального назначения). Вместе с тем, братья из морской и крылатой пехоты такого себе не позволяли, потому что и сами тогда хлебнули «через край», а морская пехота вообще ничем от обычной не отличалась, так как комплектовалась за счет матросов и старшин надводных кораблей и береговых частей ВМФ. В любом случае именно на пехоту, пехоту крылатую и морскую, легла тогда вся тяжесть боев в первой чеченской войне.

После той войны руководство нашей страны должно было сделать однозначный вывод, что в Вооруженных силах должны всегда быть мотострелковые полки постоянной боевой готовности.

А как было на самом деле перед началом второй чеченской войны? Как на сей раз к ней подготовились и как воевали? Как это всё «работало»?

Вторая чеченская война тоже очень сильно повлияла на ход нашей истории. На сей раз всё началось в Дагестане, и если бы не наша пехота, то карта России выглядела бы совсем по-другому.

Это не боевик. Перед вами книга про жизнь и службу в

те тяжелые годы.

Как жили, служили, любили и ненавидели? Как воевали? О чем мы тогда думали и как рассуждали, как выживали без денежного довольствия и иных благ? А зачем вообще пошли на эту войну? Зачем служили?

Книга основана на реальных событиях. Герои этой книги являются результатом воображения автора, совпадение с реально существующими людьми и событиями может быть только случайным.

Прежде всего книга посвящается солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам 3-й мотострелковой дивизии, которая приняла участие в этой войне, пусть и далеко не полным составом, но в составе трех полков и одного отдельного батальона, а именно: 245-го, 752-го гвардейских мотострелковых полков, 99-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка, 84-го отдельного разведывательного батальона. При этом 245-й гвардейский мотострелковый полк принял непосредственное участие в штурме города Грозный двумя штурмовыми отрядами, дрался там просто беззаветно, понес большие потери, и именно он нанёс решающее поражение противнику в битве за город.

Посвящается:

Всем солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам:

74-й, 136-й гвардейских отдельных мотострелковых бригад, 205-й отдельной мотострелковой бригады, 1, 15, 255, 423, 503, 506-го гвардейских мотострелковых полков, 276-

го мотострелкового полка, нашим братьям из сводных батальонов 61-й отдельной бригады морской пехоты и 77-й отдельной бригады морской пехоты, 227-й артиллерийской бригады, 160-го гвардейского танкового полка, 22-й отдельной гвардейской бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба, а также 21-й, 33-й отдельных бригад оперативного назначения внутренних войск, 674-го полка оперативного назначения внутренних войск.

Отдельно низкий поклон и глубокое уважение нашим братьям из всех парашютно-десантных и десантно-штурмовых полков и бригад доблестных воздушно-десантных войск.

Глава 1

Россия. Нижегородская область, г. Дзержинск. Сентябрь 1995-го года.

Комбат ждал меня с большим нетерпением, очень хотел в отпуск. Из заместителей у него, кроме меня, были заместитель по вооружению (только что уехал по замене в командировку в Чечню, в 166-ю ОМСБр) и заместитель по воспитательной работе (готовился убыть на замену в Чечню).

Командир полка определил, что комбат поедет в отпуск через неделю. Таким образом, уже через неделю мне предстояло командовать самостоятельно танковым батальоном. Заместитель начальника штаба батальона (ЗНШ), то есть мой заместитель, тоже еще не был в отпуске, тоже должен был пребывать в готовности убыть по замене в Чечню, мечтал об отпуске уже ближе к ноябрю 1995 года.

Батальон был почти полностью укомплектован солдатами и сержантами. В наличии были все солдаты и сержанты танковых рот и взвода связи батальона. А вот в остальных отдельных взводах батальона был большой некомплект.

С офицерами была ситуация другая. Командиры рот были все на месте, а вот командиров взводов был некомплект. С учетом командировок в Чечню, нахождения в госпитале по ранению в ротах было по одному командиру взвода, а в первой роте был еще и заместитель командира роты по воору-

жению, в остальных двух ротах эти должности были вакантными. Этот самый «зампотех» первой танковой роты исполнял обязанности зампотеха батальона.

Но самое плохое, для меня лично, было то, что вакантной была должность командира взвода связи батальона, и этим взводом мне часто приходилось заниматься лично.

Все должности прапорщиков в батальоне были вакантными, за исключением командира взвода обеспечения батальона.

Дисциплина в батальоне была на очень высоком уровне. Во всяком случае, если сравнивать... Но сравнивать это нельзя. Ни при каких обстоятельствах нельзя сравнивать укомплектованный по штату военного времени мотострелковый батальон и недоукомплектованный танковый батальон, и не только потому, что в танковом батальоне людей в пять с лишним раз меньше, при том же количестве офицеров, но и по другим причинам. Например, по той, что все солдаты и сержанты танковых рот прошли через обучение в учебных частях, да и многое другое.

Можно сказать, что по нынешним временам дисциплина в батальоне была железной.

К такому порядку и дисциплине мне пришлось с большим трудом привыкать. Несение службы внутренним нарядом в батальоне было поставлено так, что в первое время меня просто все обескураживало. Четкий строевой шаг дежурного по батальону, сержанта-контрактника, трезвого, чисто

выбритого, наглаженного, знающего свою службу и обязанности.

Комбат и ЗНШ видели мое смущение и небольшую растерянность (которую я очень старался скрывать через несколько напускную строгость) и относились к этому с пониманием, очень по-доброму всячески помогали мне войти в должность.

В полку было только два батальона, которые занимались боевой подготовкой, оба танковых. Учебный процесс был организован так, что один батальон находился на полигоне, а второй нес службу в полку. В субботу батальон возвращался с полигона, там оставался только наряд полевому парку и лагерю. В понедельник рано утром на полигон выезжал другой батальон. И так по кругу. Третий танковый батальон, мотострелковый батальон, артиллерийский дивизион, зенитный дивизион и отдельные роты полка боевой подготовкой не занимались вообще.

Мой бывший батальон, мотострелковый, представлял собой жалкое зрелище. В нем были по штату только комбат, начальник штаба, три командира роты и командир минометной батареи. Но в наличии были только комбат и начальник штаба. В остальных подразделениях полка обстановка была несколько лучше, там было небольшое количество солдат, но боевой подготовки не было.

Большинство офицеров полка меня еще хорошо помнили и подкалывали, что ушел я чуть больше года назад команди-

ром взвода, а вернулся начальником штаба батальона. Относились ко мне с большим уважением. Немалую роль в этом сыграло и то, что я был самым награжденным офицером этого полка.

На эти выходные Алла не приехала, что было кстати, мне необходимо было подготовиться к полевому выходу.

В понедельник выезд на полигон прошел очень организованно и легко. Комбатом все было отлажено до автоматизма. ЗНШ и командиры рот подсказывали и все делали безупречно.

В свою очередь, заместитель командира полка, человек очень опытный и порядочный, сопровождал батальон неотлучно и тоже мне многое подсказывал, очень дельно и без излишнего начальственного тона.

На «первый выстрел» прибыл и заместитель командира дивизии, позже подъехал заместитель командующего армией, генерал-майор. Познакомились. Всё спокойно. Без накачки и замечаний. Занятия шли полным ходом. Всё без срывов. Все довольны.

– Что там у тебя на обед? – прозвучал неожиданный вопрос генерала.

– Не знаю, товарищ генерал.

– Как не знаешь? Должен знать. Кто меню-раскладку подписывал?

– Я подписывал.

– Что, не читал, что там написано?

– Не читал, товарищ генерал, если честно.

– Плохо. Надо и в это вникать. Ты уже не командир роты.

Генерал хорошо знал всё обо мне и поэтому отнесся почти по-отечески.

– Где твой прапор?

– На ПХД батальона.

– Давай позови его сюда.

Я отправил за ним.

Прапорщик спокойно, с чувством собственного достоинства вошел и доложил по всей форме. Было видно, что генерал и прапорщик хорошо уже знают друг друга.

– Что там у тебя, Егорыч, на обед?

– Рассольник, каша перловая с тушенкой, сало, соленья, компот из сухофруктов, хлеб.

Генерал поморщился.

– А что, гороха не нашел?

– Так я не знал, что вы сегодня приедете.

– Плохо. Ты такой опытный прапорщик и не мог додуматься, что раз сегодня за вашего комбата новый начальник штаба, да еще только из пехоты пришел, разве я мог не приехать, не посмотреть? А вдруг у вас здесь завал?

– Согласен. Должен был додуматься. Виноват.

– Ладно. Что у вас там, готово?

– Так точно.

– Пошли, комбат, обедать. Пусть тут твой ЗНШ заканчивает, и командиры рот кормят людей.

Личный состав принимал пищу под открытым небом (это было сделано специально – в целях совершенствования полевой выучки солдат и сержантов). Для офицеров батальона была развернута палатка, и в ней накрывались столы.

Я из скромности хотел сесть за отдельный стол, не с генералом, но заместитель командира полка сразу направил меня к столу с генералом.

Генерал определил мне место напротив себя. Замкомдива и замкомандира полка сели напротив друг друга. Было видно, что и этот вопрос отработан до автоматизма.

Солдат-официант быстро поставил на стол хлеб, сало, соленые зеленые помидоры, соленые огурцы, лук. Прапорщик принес из уазика генерала бутылку водки.

– Разливай! Что ты сидишь? Кто тут сегодня хозяин? – спросил меня генерал.

– Понял, – коротко ответил я.

Разлил всем, а себе налил чуть-чуть.

– Не понял. Ты что, тут в аптеке? Почему себя обделил?

Я тут же долил себе, как и всем остальным.

– За победу! – произнес генерал.

Все выпили, начали закусывать. Принесли суп.

– Давай, Тимофеев, под суп, – скомандовал генерал.

– За победу! – скомандовал генерал.

Все выпили. Закусили. Начали есть суп.

– Хороший рассольник. Молодцы.

Рассольник был действительно очень вкусным и густым.

– Рассказывай, Юра, как ты там воевал, – произнес замкомдива.

– Да, я хотел тоже тебя хорошенько расспросить. Мне интересно это услышать именно с точки зрения командира пехотной роты. Понимаешь? – поддержал его генерал.

Я взял паузу. Растерялся.

– Давайте выпьем сначала. Как раз третий, – предложил замкомандира полка.

– Давайте. Всем нам есть кого вспомнить, тех, кто с войны не вернулся, – согласился генерал.

Выпили. Закусили. Эта лаконичность и отсутствие пафоса мне очень понравились. Я съел суп.

– Давай, Юра, начинай потихоньку, не спеши. Расскажи нам, что там и как. Только честно, только правду, какая бы она ни была.

– Если честно рассказывать, может так получиться, что нехорошее скажу о своих командирах. Без этого не получится.

– А ты не стесняйся. Я сам, когда из Афгана вернулся, материл генералов-фронтовиков на чём свет стоит. И сейчас от тех своих слов не откажусь.

– Вы кем и когда были в Афгане, товарищ генерал?

– Комбатом в 1982—84 годах.

– Понял. Начинать надо с Мулино, с анализа того, как здесь всё начиналось. Иначе не будет понимания, почему произошло так, а не по-другому. Опять же, буду говорить с

точки зрения командира мотострелковой роты. С точки зрения комбата, все это могло уже видаться иначе.

– Ну все правильно говоришь. Согласен. Начинай, – произнес генерал.

– Первым делом надо было укомплектовать полк всеми офицерами и прапорщиками, и в первую очередь все роты и батареи. Просто укомплектовать. Дать нам пару-тройку дней познакомиться, даже выпить, поговорить. Ну вот, не с того начал. Начинать надо со штатов. Первым делом нужны нормальные штаты. Специальные штаты нужны для такой войны. В батальоне нужен свой штатный разведвзвод, в нем надо иметь четыре БРМ или две БРМ и два БМП – но это уже хуже. В мотострелковой роте нужен четвертый взвод. Каким он должен быть в Чечне, это вопрос. Надо обсуждать.

Принесли второе.

– Наливай теперь поменьше. Тебе еще тут с батальоном заниматься. Правильно говоришь. Очень правильно, – задумчиво произнес генерал.

Выпили. Закусили.

– В мотострелковом батальоне нужен свой комендантский взвод. Могу объяснить для чего. Надо?

– Скажи, – сказал генерал, помрачнев.

– Для того чтобы не отвлекали пехоту и разведчиков для охраны.

– Шикарно жить хочешь, – доброжелательно перебил меня генерал.

– Вот взять такой мелочный вопрос – а кто мне печку топить должен? Кто? Понятно, я сам не топил. Это больше для примера.

– Понятно. Правильно говоришь.

– Ладно. Я понимаю. Недаром говорят, что сколько существуют штаты, столько о них и спорят.

Все рассмеялись.

– То есть первый вопрос – штаты. Второй вопрос – это как комплектовались офицерами и прапорщиками. Надо было создать комиссию или несколько комиссий, через которые прогонять всех отправляемых в Чечню. Кто не хочет ехать, тут же в приказ на увольнение. И чтобы этот приказ на следующий день доводился до всех офицеров и прапорщиков, чтобы сразу все видели, что это не просто так. Только когда все офицеры и прапорщики на своих местах, тогда продолжать комплектование. Далее, привезти всех командиров отделений, наводчиков и механиков. После этого взять паузу на несколько дней хотя бы. Дать командирам возможность поставить сразу всё на свои места, потом пехоту. И самое главное, сразу вводить законы военного времени. Если война, то это война. А как иначе? Ну и в любом случае не комплектовать роты за счёт дисбата. Решение комплектовать наш полк частично за счёт амнистированных из дисбата было фатальным. Далее можно по каждому направлению много чего сказать. Боевые уставы. Мы с грустью вспоминали, что в них написано. Подчеркиваю, для этой войны

должны быть другие правила. Техника и вооружение: тут тоже можно только начать, закончить невозможно. Боевая подготовка: нужны конкретные рекомендации, как ее организовать не на полигоне, а там, где мы конкретно стоим. Наш полк очень рано отправили в Чечню, надо было здесь его доводить до ума, готовить. Убрать все эти догмы. Написать нам, офицерам, маленькую брошюру. Разведка: о противнике всегда не знаем ничего. То, что нам доводили, – это политзанятия. Связь: её нет, здесь у меня очень много предложений. Тыловое обеспечение: ту же грузовую машину в каждую роту выделить, а лучше две. Тыловики всех к ногтю и сажать, сажать, сажать. Снайпера: это совсем отдельный разговор. Техническое обеспечение на уровне батальона: почти ноль, только если сам зампотех толковый, то он лично что-то может сделать. Дисциплина: с неё все начинается. Воспитательная работа наконец, я не понимаю, как она должна была выглядеть. Сами нащупали кое-что, а что-то действенное и конкретное от больших начальников не получали. То же пусть бы написали хоть какую-то брошюрку на эту тему. Работа с местным населением. Что это за фигня такая, когда офицеры полков ведут работу с местным населением?! На хер она нам нужна?! Солдатские матери на позициях. Это что? Что это вообще такое? Возможно, повторяюсь. А где прокуроры? Они кто такие? Почему они вообще себя так ведут? У нас военная прокуратура или что это вообще такое? Оборзевшие, зажрались. А почему бы не ввести в полках во-

енную полицию? Где правила поведения военнослужащего в плену? На хер все эти догмы международного гуманитарного права. Нужны конкретные правила, написанные под Чечню. Минометные батареи батальонов, хорошо, что она есть! Но их надо пересаживать с ГАЗ-66. У меня есть опыт, когда огневой взвод минометной батареи пересадили на БМП. Мне очень понравилось. Командир минометной батареи тоже хвалил этот эксперимент. Ну, если идея с БМП кому-то не понравится, тогда, может быть, на МТЛБ или на худой конец на «Уралы» или «КамАЗы»? Помощник командира батальона по артиллерии. Конечно, хорошо, когда в батальоне есть дополнительный офицер, да еще артиллерист, но я не понял эту должность. Мне кажется, что лучше было бы вместо неё ввести в минометные батареи должность заместителя командира батареи. Гранатометный взвод батальона надо усиливать на одно отделение. На этой войне я не понял роль танковой роты, тем более батальонов. Если бы в штате мотострелковой роты был танк или два, было бы лучше, или в штате батальона – танковый взвод, четыре танка, а может, и пять. Вкратце, так.

– Наливай. Правильно все сказал. Кое-что спорно. Начи-
най, Тимофеев, писать боевой опыт. Создай структуру и пи-
ши. Напиши сначала просто для себя. А потом дай мне по-
читать, это моя личная просьба к тебе. Обсудим. Интересно.
Не дай этому пропасть. За победу!

Выпили.

– Так, все с водкой закончили. Зовите офицеров, пусть идут обедать, – произнес генерал.

Прапорщик позвал офицеров. Офицеры зашли, спросили разрешения и начали с большим аппетитом обедать.

Генерал встал и произнес:

– Так, не вставать. Никому нас с замкомдива не провожать, он тоже уезжает. Все у вас нормально. Занимайтесь.

Замкомандира полка немного спустя тоже уехал.

Ближе к вечеру ко мне подошли ЗНШ и прапорщик, пояснили, что есть сэкономленное топливо, которое на каждом полевом выходе продается, а на вырученные деньги покупается дополнительное питание для всего личного состава, включая офицеров.

Приготовление пищи на полевом выходе осуществлялось самым тылом батальона на ПАК-200М. Все бойцы в один голос говорили, что на полевом выходе кормили гораздо лучше, чем в столовой полка. Причина была проста: в батальоне продукты не воровались. Замполит батальона очень пристально следил за всем, начиная с получения продуктов на продовольственном складе полка и заканчивая закладкой их в котел. Хоть командир взвода обеспечения и был прапорщиком старой формации, который служил в этом полку еще в Чехословакии, тем не менее комбатом вопрос контроля был организован до мелочей. Частенько комбат и сам лично подключался к замполиту, и они вместе контролировали этот процесс. Кроме того, зампотыл полка находил возмож-

ность, и на полевой выход выдавался дополнительный паек в виде сахара, сала и хлеба. С другой стороны, у всех бойцов, да и офицеров, в поле всегда разыгрывался нешуточный аппетит. Это известный факт. Мне не хотелось ломать установленный комбатом порядок, и я дал разрешение.

Процесс выглядел так: один из наших топливозаправщиков останавливался недалеко от съезда с московской трассы так, чтобы его было не видно. На трассу выходил переодетый в гражданку солдат (водитель) с табличкой «Зимняя солянка». Останавливались дальнбойщики, солдат им объяснял что и к чему, договаривались. Когда топливо распродавалось, топливозаправщик уезжал в лагерь, а прапорщик на «Урале» ехал в магазин и закупал все что нужно. По приезду собирались офицеры управления батальона и командиры рот, где прапорщик давал подробный отчет о вырученных и потраченных деньгах.

Прапорщик отчитался. Замполит подтвердил наличие закупленных продуктов. Офицеры согласились.

После этого отчета, когда все остальные разошлись, я спросил у ЗНШ и замполита:

– Честно говоря, я удивлен, что в числе продуктов нет водки.

– Это требование комбата. На полевом выходе у нас сухой закон. Это может себе позволить только комбат, да и то с проверяющими, – сказал замполит.

– Мы выпивать будем в субботу, в обед. Когда вернемся

и после завершения парко-хозяйственного дня на оставшиеся деньги купим еды, водки, соберем всех офицеров, прапорщика и подведем итоги. Если деньги останутся, то их поделим поровну между всеми офицерами и прапорщиком, – добавил ЗНШ.

– И что, бывает, что остаются?

– Скорее всего останутся, потому что будет, что ещё и в субботу утром успеть продать, – сказал ЗНШ.

– А в полку знают, чем мы занимаемся?

– Знают, и мы знаем, чем полк занимается. Кто им помогает все топливо, которое они продают, списывать? На боевой подготовке это не сказывается, вот и хорошо, – ответил ЗНШ.

– И бойцам отлично. И их не обижаем, – добавил замполит.

– А как хорошо офицерам, когда наличные деньги остаются, лишний раз не надо к начфину с вопросом, когда деньги будут, идти, – заключил ЗНШ.

Я полностью был согласен с таким подходом к этому щекотливому делу. Восхитился своему комбату. А мог бы все себе забирать, давать там чуть-чуть кое-кому, и всё. Так нет же, о солдате думает. Я знаю много таких, которые бы сказали: «Что солдатам жратву покупать? Вы что, охренели? Их и так тут шикарно кормят! И дополнительный паек даже дают!» Поэтому в батальоне такой порядок. Нет, не только поэтому. Вспомнилась строчка из Дисциплинарного устава Во-

оруженных Сил: «воспитанием... знанием... личной ответственностью... поддержанием...»

И вот начинается самое мною любимое: «...четкой организацией боевой подготовки и полным охватом ею личного состава».

Да, именно полный охват. Как все правильно.

Дальше еще больше люблю этот постулат:

«...повседневной требовательностью командиров (начальников) к подчиненным и контролем за их исполнительностью, уважением личного достоинства военнослужащих и постоянной заботой о них, умелым сочетанием и правильным применением мер убеждения, принуждения и общественного воздействия коллектива».

Каждое слово в точку, никакого словоблудия, ни одного лишнего слова.

Именно: повседневной, контроль, уважение, умелое сочетание мер, воздействие через коллектив.

И дальше: «...созданием в воинской части (подразделении) необходимых материально-бытовых условий».

Всё в точку.

Слова Устава не выходили из головы, я продолжал их осмысливать.

Еще совсем недавно я считал, что все это уже не нужно, что писалось это для какой-то другой армии, мне не знакомой, о которой я слышал, но не видел. А тут я так неожиданно прикоснулся к ней, к этому островку стабильности и

порядка.

Да, только все в комплексе даст такой результат, которого добился мой нынешний комбат. Уважаю. Молодец.

Я успел с ним неплохо познакомиться за ту неделю, что я прибыл из отпуска. Я знал о нем не все, но уже многое. Знал, что он из семьи офицера, знал, что его родители живут в Ивановской области, знал, что закончил Челябинское высшее военное танковое командное училище, потом служил в Германии. После Германии служил в Закавказье. Стал там командиром отдельного танкового батальона дивизии, командиром части. Потом служил здесь. Нас сразу объединила нелюбовь к Кавказу. Нам были чужды традиции и нравы народов Кавказа, мы с ним одинаково считали, что произошло большое благо, когда развалился Советский Союз, потому что народы Закавказья получили независимость от нас и, самое главное, мы от них. Он был влюблен в Германию. А я во всю Европу. Он любил Россию, а особенно Поволжье. Я любил Россию, но особенно Калининградскую область. И он, и я были влюблены в армию, но оба мы не хотели возвращения советских порядков с этими марксистско-ленинскими догмами и политорганами. Оба переживали за российскую армию и с нетерпением ждали настоящих реформ, потому что понимали, что по сути она все еще остается той самой советской, причем многое хорошее из нее ушло, а плохое пришло. При всей любви к России комбат был явным германофилом. Слово «орднунг» было для него не просто термином, у ком-

бата на этот счет была целая философия.

От моих мыслей отвлекли командиры рот, которые пришли с докладом.

Ночные занятия были обеспечены великолепным дополнительным питанием: горячий куриный бульон с чесноком, гражданский черный хлеб и каждому по половине кольца самой любимой в войсках краковской колбасы.

За неделю полевого выхода командир полка приезжал дважды. Один раз днем. Всё посмотрел, проверил. Сам поводил танк, пострелял из пушки и спаренного пулемета, из зенитного пулемета, пообедал. Остался доволен и уехал. Один раз ночью проверил ночные занятия. Все повторилось, только вместо обеда был очень поздний ужин. Оба раза никакого спиртного не было.

Замкомполка был на полигоне почти неотлучно, помогал делом. Хороший и невредный офицер. Пару раз мы с ним выпили грамм по сто пятьдесят после ночных занятий.

Командирами рот были очень подготовленные офицеры, просто обожавшие свое дело. Каждый из них мог легко командовать всем личным составом батальона, без всяких сомнений. Приняли они меня, как говорят в таких случаях, как родного, а один из них стал лично учить меня водить танк, пользоваться его вооружением. Я начал осваивать машину с огромным удовольствием и дело продвигалось очень быстро.

Полевой выход прошел просто отлично. Мне не пришлось не то что голос повысить, мне по сути дела не пришлось во-

обще как-то напрягаться. Я окунулся в атмосферу той армии, в которой когда-то мечтал служить еще мальчишкой. На полигоне все офицеры забыли о невыплаченном денежном довольствии и всех нескончаемых бытовых проблемах. Просто занимались боевой подготовкой, которая была организована как положено, с хорошим питанием и без нервотрепки. После всего того, что я до этого прошёл, мне казалось это невероятным.

Топливо удалось еще сэкономить, и прапорщик съездил, продал излишки.

Суббота. Доложил командиру полка о прибытии и все что положено.

Собрал в штабе батальона совещание офицеров и прапорщиков. Личный состав увели на обед в столовую.

Сначала высказался ЗНШ (он ведь остался за меня, за начальника штаба), следом за ним исполняющий обязанности зампотеха батальона, потом замполит, потом я подвел итог.

Впервые в своей командирской карьере на подобном мероприятии я не высказал ни одного замечания. Я знал, что это неправильно. Но принял именно такое решение. Почему всё время принято ругать командиров рот? Кто это установил? Видимо, я сам еще не вылез из этой шкуры.

Выпили, поговорили, раздали деньги. Сумма была приличной, но мне подтвердили, что всем поровну, мне не больше, чем другим.

Отдельно выпили за конструкторов Т-80, спасибо за то,

что сделали его таким прожорливым.

В батальоне ответственным остался исполняющий обязанности зампотеха батальона. В воскресенье ответственным будет замполит батальона. А у меня в понедельник «командирский день», построение командиров батальонов, отдельных рот в пять сорок пять.

Позвонил Алле, и на этой неделе у нее не получается приехать. Ну и ладно. Мне хотелось побыть одному.

В воскресенье утром встал. Съездил на рынок, купил продукты. На рынке все тот же Кавказ. Приготовил обед. Скучно. Включил телевизор, а там коммунисты Анпилов, Зюганов. Опять эта демагогия. Чуть не стошнило. Такое ощущение, что меня измазали дерьмом.

Чем заняться? Надо обзаводиться семьёй, пришло время. Подумал об Алле, стало на душе хорошо.

Достал купленную в отпуске книжечку о религии. В ней должны были быть ответы на вопросы о том, чем отличается православие от католицизма, а католицизм от протестантизма.

В отпуске я посетил в Москве англиканскую церковь святого Андрея в Вознесенском переулке, затем съездил в Сергиев Посад и посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, многое узнал о Сергии Радонежском.

Чисто эстетически мне больше понравилось в англиканской церкви. И не только эстетически, но и сама организация службы, возможность сесть и подумать. Но мне этого было

недостаточно. Я хотел доверить свою душу и свои мысли чему-то безупречно чистому.

С большим интересом и очень быстро прочитал книжечку. Смысловая разница мне была понятна. Оказалась, что католическая индульгенция – это не просто дать церкви денег и тебе всё простят. Все сложнее. В православии очень много обрядов и обязанностей, православие строже, но и у католиков с протестантами тоже всего этого немало. В любом случае соблюдать все необходимые обряды я не буду. Почему? Потому что нет желания, никакого. Выходит, я неверующий человек. Верующего заставлять не нужно, у него у самого есть такая потребность. У меня нет таких потребностей. Даже наоборот, я эти обряды не воспринимаю всерьёз. В конце концов, в первые века нашей эры христианство было единым, позднее появились различные течения.

Что осталось?

Осталось то, что христианство в целом – это мой культурный выбор, это моя система ценностей, и, если будет желание, я зайду в любую христианскую церковь.

В книжке был целый раздел, посвященный исламу, но я не смог заставить себя его прочесть. Не могу. Это мне чуждо. Совсем не моё.

Про остальные религии читать не стал. Не интересно вообще.

Уже вечер. Опять включил телевизор. Показывают программу «Итоги» на НТВ, там сидит Евгений Киселев и рас-

тягивает слова. Отвратительная речь. Разве это профессионал? А в чем суть? Социологические исследования, странные и нелогичные выводы из них. Пропаганда, такая же тупая, как и при совке, и он сам не семи пядей во лбу. Мерзость. Переключил. Невзоров со своей программой. Посмотрел внимательно. Задумался. Тоже пропаганда, не передают всю суть происходящего, настраивают на квасной патриотизм, но очень своеобразный, не может понять происходящее.

На следующие выходные приехала Алла и мы провели очень интересные выходные.

Взял отпуск по семейным обстоятельствам. В начале ноября поход в ЗАГС. Расписались. Пора, вроде как надо... Поехали в ресторан с родителями Аллы. На следующий день поехали в Калининград. Сходили в ресторан с моими родителями, махнули в Светлогорск. Нам было хорошо вдвоем.

Перед Новым годом мне присвоили очередное воинское звание «майор», досрочно, оказывается, отправляли, еще когда я был в Чечне, там разрешили присваивать воинские звания на ступень выше занимаемой должности. Присвоено оно было еще в июне. Все недоумевали, как так вышло, что при назначении на должность начальника штаба батальона этого не заметили.

Раньше я думал, что мое категорическое нежелание справлять свадьбу обидит Аллу, считал, что все девушки мечтают о всяких там платьях и прочей ерунде, и Алла в

принципе этого хотела, но терпеть не могла застолий с большим количеством родственников. Поэтому наши интересы все-таки сошлись, потому что у Аллы было то платье, которое она хотела, а застолья не было.

Родители Аллы подарили ей большую новую квартиру в новом доме, и мы обсуждали, как будем жить в случае моего поступления в академию.

Каждую пятницу вечером Алла приезжала ко мне, а уезжала вечером в воскресенье. На Новый год я взял отпуск, часть которого не использовал, и мы уехали с ней в Калининград.

К февралю я закончил свой труд под названием «Боевой опыт», который при встрече передал генералу.

Генерал удивленно посмотрел на целую пачку листов и удивился, поблагодарил, сказал, что обязательно прочитает и вернет.

С генералом мы встретились на полигоне.

– Прочитал. Молодец. Хорошо поработал. Много спорного предлагаешь, это нормально. Что с академией?

– Буду в этом году поступать.

– Я тебе помогу. Готовься все равно как следует. Ты должен закончить академию и идти дальше.

Короткий разговор с генералом придал мне уверенности, я решил не искать связи, идти по прямой. Будь что будет, если не поступлю, значит уволюсь, значит я Родине не нужен. Незаменимых у нас нет.

Взял отпуск, и мы поехали с Аллой в Калининград.

Весной комбат мне сообщил, что увольняется из армии. К этому времени мы здорово сдружились. Формальная причина увольнения была очень простой. Оказавшись перед выбором ехать в Забайкалье по замене или уволиться, комбат выбрал увольнение, пенсию он уже заслужил. Реальные причины оказались глубже. Ранее он дважды пробовал поступить в академию, не поступил. Дальнейшее продвижение по службе закрыто. Он утратил интерес. Но была еще одна причина, о которой пока что знал только я. Жена комбата была самой настоящей германкой по национальности, уроженкой Новосибирской области, и прекрасно владела германским языком.

Какое-то время назад она подала документы на возвращение в Германию, свою историческую родину, и ждала со дня на день вызова. Германией была разработана какая-то специальная программа по возвращению на историческую родину соотечественников, или, как их все называли, «русских немцев». Комбат тоже здесь не видел никакой перспективы и готов был уехать, как только будет ему открыта туда дорога, вовсе учил германский язык.

Я был потрясен. Как мы можем разбрасываться такими людьми? Сразу вспомнил генерала, который заставил водружать флаг в Шатое. Пока такие люди у нас в стране у власти, такие, как мой комбат и его семья, будут уезжать.

Эта мысль меня поглотила полностью, я не находил себе

места. Таким, как комбат, надо служить и служить, он и комбатом мог еще лет десять быть, сколько пользы бы принес, надо только платить нормально.

Однажды, после майских праздников 1996-го года, в три часа утра батальон был поднят по тревоге и убыл на станцию погрузки. Командовал комбат. Куда едем, не сказали. Подали состав. Начали погрузку. Все шло очень и очень организовано. Танки и БМП батальона уже загрузили и вовсю крепили, начали грузить автомобильную технику. Прибыл генерал из управления нашей общевойсковой армии. Встретил его командир полка, который уже давно прибыл на станцию погрузки и, не вмешиваясь, очень внимательно наблюдал за действиями батальона. Командир полка встретил генерала и доложил ему. Генерал подозвал к себе комбата и меня. Объяснил, что убываем в Дагестан. Там нас встретят десантники одного из парашютно-десантных полков, дислоцированных на территории Северо-Кавказского военного округа. Батальон придается этому полку, и мы поступаем в полное распоряжение командира этого полка. Понятное дело, у десантников своих танковых подразделений нет, а действовать им придется как обычному мотострелковому полку, поэтому наш танковый батальон придается ему на весь период предстоящих боевых действий. Подчеркнул, что действовать придется именно на территории Дагестана, там образовалась какая-то оппозиция, которая хочет свергнуть законные власти Дагестана. Назвал какие-то фамилии дагестан-

ских боевиков, среди которых лидером был Надиршах Хачилаев. Нам эта фамилия ни о чем не говорила, можно сказать, что слышали мы её впервые. Сам генерал тоже очень красочно выразился обо всем происходящем и сказал, что тоже ничего не знает. Все задачи нам будут поставлены командиром парашютно-десантного полка.

Конечно, я сразу смекнул, что в составе батальона нам действовать не придется, скорее всего, примерно две роты нашего батальона раздадут по парашютно-десантным батальонам этого полка. В лучшем случае в распоряжении комбата останется одна рота (десять машин) и собственно танк комбата, то есть всего от силы одиннадцать танков, при мне будут «мои» БМП взвода связи батальона, ну и все отдельные взводы батальона.

Все мы знали, что у комбата документы на его увольнение уже находятся на подписи у командующего и его в ближайший месяц должны уволить. Но сам комбат промолчал насчет этого. Командовал так, как будто ничего не происходит, с полной самоотдачей, даже с каким-то молодым задором. Видно было, что вкладывает всю свою душу. Но меня больше всех интересовал вопрос о том, поедет ли он на войну, ведь если не поедет, то принимать командование батальоном придется именно мне. Когда я его напрямую спросил, зачем ему ехать, он мне ответил, что хочет поехать, что он обучил и воспитал этот батальон и не оставит его. Хочет напоследок повоевать за Россию. Мы все были удивлены, но промолча-

ли.

Начала прибывать недостающая батальону автомобильная техника из других подразделений полка. По мере прибытия ее сразу грузили на платформы. В последний момент поступила команда доукомплектовать нас инженерно-саперным взводом, точнее, придать его батальону, техника которого очень быстро прибыла на станцию погрузки, под нее подали дополнительные платформы. Вся техника была из инженерно-саперной роты нашего полка, а вот людей набрали из отдельного инженерно-саперного батальона нашей дивизии, чуть ли не всех солдат срочной службы этого батальона собрали, чтобы этот взвод укомплектовать. В последний момент опять поступила задача на доукомплектование батальона, теперь уже полнокровным медицинским взводом, точнее, придать такой взвод батальону, ввиду того что наш штатный имел лишь одного водителя. Под него подали дополнительные платформы, опять пригнали технику для этого взвода, теперь уже из отдельного медико-санитарного батальона дивизии, но личный состав этого взвода привезут только утром.

Серьезность подхода не вызывала сомнений в том, что мы реально отправимся в Дагестан, да и решение придать нам медицинский взвод с двумя автоперевозочными АП-2, дезинфекционно-душевой установкой ДДА и прочими санитарными автомобилями доказывало серьезность намерений.

У меня настроение было крайне тревожное, но вида я не подавал. Уже сейчас продумывал возможные варианты бое-

вых действий в условиях Дагестана. Исходил из худшего, из того, что население будет враждебно к нам, но мер воздействия на него не будет. Местные нас будут считать оккупантами, но если мы только попробуем вести себя как настоящие оккупанты, то тут же будем схвачены военной прокуратурой. Именно из таких обстоятельств я исходил. Появились кое-какие соображения, которыми я хотел поделиться с комбатом, как только тронемся в путь.

Хорошо хоть, ясность наступила, что ночуем в двух выделенных для батальона плацкартных вагонах.

Выставил охранение, организовали службу. Все строго, как положено. Питание – сухим пайком. Это лучше всего. Все солдаты и офицеры сразу получили по причитающейся коробке на сутки, без всякого «раздербанивания». Все как положено. Я даже получал удовольствие от такой правильной организации дела. Никакие проверяющие и «помогающие» никуда не лезли. Все занимались своим делом. Все разговоры насчет готовить в дороге горячую пищу я строго и очень категорично пресек, комбат, немного с усмешкой, но меня поддержал. Намекая мне, что помнит мой опыт, о котором, я ему вскользь рассказывал. Полк нас обеспечил сухими пайками на семь сутодач, но я просил комбата решить с командиром полка вопрос и обеспечить нас на десять сутодач, если что, там десанникам сдадим остатки. Хотя я сомневался в этом, всегда хорошо иметь запас, ведь я отлично знал, что значит стоять на довольствии в Северо-Кавказ-

ском военном округе. Никаких пьяных, никакой водки. Вот что значит воинская дисциплина, неизменный попутчик боевой подготовки, которой батальон занимался непрерывно! Даже сама погрузка прошла очень легко, ведь на занятиях личный состав это отрабатывал неоднократно. Немного пришлось повоевать с прибывшим на доукомплектование батальона личным составом отдельных взводов, особенно взвода обеспечения батальона, но там быстро навели порядок. Командиром инженерно-саперного взвода был назначен наш однополчанин, аж командир инженерно-саперной роты, капитан, опытейший офицер, который очень умело и быстро навел порядок в своем взводе и без всяких наших указаний находился неотлучно с личным составом.

Вечером у нас было всё готово к совершению марша железнодорожным транспортом. Не было только личного состава медицинского взвода.

Тем временем мы с комбатом начали проводить тренировку с нештатным разведотделением батальона, которое набирали в основном из саперов, всего-то удалось набрать семь человек, возглавил эту разведгруппу мой заместитель, то есть ЗНШ (заместитель начальника штаба) батальона. Что поделаешь, в танковом батальоне очень мало людей. Из членов экипажей танков людей не возьмешь, там лишних совсем нет.

У нас с комбатом было полное взаимопонимание, и мы ни на секунду не допускали мысли остаться без «своих» раз-

ведчиков.

Ночь прошла очень спокойно.

Комбат запретил употребление спиртного даже офицерам, хотя распорядился, чтобы командир взвода обеспечения купил ящик водки.

Утром прибыл личный состав медицинского взвода. Каково же было наше состояние, когда мы увидели, что командир этого взвода – высокая, стройная и ослепительно красивая блондинка, старший лейтенант медицинской службы. Мы сразу поняли, что это проблема. Что к ней будут клеиться все, кому не лень, коих и у нас достаточно, и у десантников еще больше. Кроме того, фельдшер взвода была прапорщик, тоже миловидная женщина, и еще две немолодых и не очень симпатичных медсестры, сержанты, тоже были женщины. Правда, остальные бойцы взвода были контрактниками, вполне мощными и молодыми мужиками, пригодными для исполнения обязанностей санитаров, способными вытаскивать и грузить раненых и убитых. Но четыре женщины, это уже чересчур! Это настоящая проблема.

Мы немного смутились от непривычки. Как их размещать, как с ними быть? Правда, проблема решилась сама собой. Командир этого взвода сразу после получения от нас задачи начала очень уверенно командовать взводом, даже слегка употреблять настоящие командирские словечки. Нас, всех офицеров, это обстоятельство опять повергло в шок, даже больший, чем первоначальный. Все ее подчиненные му-

жички очень даже живо поворачивались и выполняли все её требования, более того, женщина-прапорщик чуть позже еще больше стала подгонять личный состав. Единственное, командир медвзвода попросила выделить для женщин отдельный отсек в вагоне, рядом с управлением батальона. Разумеется, я тут же распорядился. Все как-то начало решаться, само собой. К такому я не привык.

Я пошел проводить занятия с разведчиками. В это время прибыл командир полка со своими заместителями, а также с командирами ремонтной роты и роты материального обеспечения. Комбат пошел к ним. Чуть позже прибыл комдив, с заместителями. Офицеры управления дивизии, приехавшие с ними, пошли проверять крепление техники на платформах. Я был спокоен, все уже было неоднократно проверено, и продолжал занятия.

И все же меня не переставало удивлять, что все происходило совершенно спокойно и ничто не напоминало погрузку нашего полка тогда, в январе 1995-го года.

После обеда прибыл командующий армией с офицерами. О чем-то говорили с комдивом и командиром полка. Уехали. А нам довели, что эшелон будет здесь находиться до утра.

Времени мы зря не теряли, проводили занятия со всем личным составом по общевойсковой подготовке. Надо сказать, что члены экипажей танков были более-менее уже в этом плане подготовлены, но все же слабо. Остальной личный состав не был готов совершенно. Так что и командирам

танковых рот было над чем работать, ну а остальным личным составом пришлось заниматься мне, моему заместителю и даже заместителю комбата по воспитательной работе.

Измотали личный состав так, что вечером он просто упал на свои полки и никаких мыслей у него не осталось.

Вечером офицеры управления батальона, командиры рот и отдельных взводов, все женщины хорошо поужинали с водочкой. Но в рамках разумного. Наши женщины-медики оказались очень хорошими людьми, не строили из себя светских дам, требующих внимания и особого обхождения, как в XIX веке, и сразу включились в процесс подготовки стола, начали помогать в этом вопросе командиру взвода обеспечения батальона. Хотя, разумеется, командир медвзвода в этом не участвовала. Нам с комбатом очень понравилось, как она поставила себя с личным составом батальона, ведь она даже старого и опытного прапорщика командира взвода обеспечения и то заставила обращаться к себе по имени и отчеству, остальные могли к ней обращаться только по воинскому званию. Разумеется, офицеры батальона обращались к ней по имени и отчеству. Мы с комбатом за рамками стола обращались к ней официально, по воинскому званию. Не сговариваясь. Для меня-то это вообще был первый опыт – иметь в подчинении женщин, и до того, как я пойму, как с ними служить, как это – иметь женщин в подчинении, я хотел оставить между нами большую и официальную дистанцию. Вышел немного смешной случай, когда командир пер-

вой танковой роты тоже заставил командира медвзвода обращаться к нему по имени и отчеству. Хотя это он дурачился, все это понимали. Ее официальный, но участливый, предельно дельный тон, мне очень импонировал, даже мысль мелькнула – после войны с ней познакомиться поближе. Но все эти мысли я быстро отбросил, а вот командир первой роты совсем не отбросил и иногда делал ей немного шутливые замечания «как старший по званию», ведь он был капитан.

В ожидании прошел еще один день. Опять проводили занятия.

Наконец, вечером поступила командаотставить. Никто ничего не объяснял. Поступила команда немедленно начать выгрузку и освободить состав, ведь за простой эшелона полагаются большие штрафы. Разгрузка ночью – это еще то удовольствие. В два часа ночи всё скинули с платформ, вагоны освободили. Нам приказали находиться на месте до рассвета. Но и платформы никто не забрал. В семь утра мы начали выдвижение в полк, а платформы так и стояли, никому не нужные. Хорошо, что сдавать их оставили офицеров из управления полка с командой из ремроты.

Быстро попрощались, медики пошли отдельной небольшой колонной. Я даже успел заметить, что командир первой роты несколько дольше прощался с командиром медвзвода. Тоже заметил и комбат, как мы потом с ним выяснили. Пришли в полк без происшествий, раздали приданных людей и технику. И не успели принять доклады от командиров под-

разделений своего батальона, как командир первой роты уже отпрашивался у комбата отпустить его, так как ему срочно понадобилось ехать в Сормово, где совершенно случайно и дислоцировался отдельный медико-санитарный батальон нашей дивизии, и я как начальник штаба знал, что командир медвзвода проживает в квартире в военных домах сормовского городка.

Мы с комбатом после всех мероприятий и докладов решили хорошенько отметить это дело. Как хорошо, что мы не поехали в Дагестан, значит нашелся какой-то политик, который смог остановить надвигавшуюся там войну. Пронесло. Ура! Надолго ли? Теперь мы будем пристально следить за этой фамилией: Хачилаев. Все новости будем отсматривать. Кто такой? Ничего не понятно.

Только позже я увидел Хачилаева во время какой-то дискуссии на телевидении, и он не произвел на меня впечатления какого-то агрессивного исламиста, да, он убежденный мусульманин, но это его культурный выбор. У меня свой и совершенно другой культурный выбор, просто даже противоположный. Да, в обычной жизни мы не стали бы с ним друзьями, но это не значит быть врагами. Ведь всё так просто в этом вопросе. Он живет у себя, я у себя. Никто ни к кому не лезет и не учит как надо. Живем или вместе, или рядом, но каждый в своем доме. В чем проблема? Мне не хотелось бы как-то пробовать силой заставлять их думать по-другому или заставлять силой находиться в составе России. На-

против, некоторые его предложения о предоставлении Чечне независимости мне даже импонировали, и в целом я был с ним во многом согласен, считал, что народы Кавказа способны сами принимать решения, как им жить и развиваться. А нам надо бы уважать принятые этими народами решения. Хорошо, что не поступил приказ убить в Дагестан, очень хорошо, повезло просто.

После этого события осталось тревожное чувство от того, как легко и просто мы могли ввязаться в войну на территории Дагестана, а российский народ даже бы не спросили, и все узнали бы о том, что там началась война, просто из новостей.

В конце мая комбата уволили, он не стал закатывать отвальную. Скромно собрались офицеры батальона (те, что были на месте), отметили, поговорили. Прошло все душевно. А уже в июне мы с ним прощались навсегда, он уезжал в Гамбург.

Было очень тяжело, и я знал точно, что это была вынужденная мера, он не мог ничего предложить своей семье, а там их ждали другие перспективы.

– А что вы будете там делать?

– Вопрос в том, что я здесь буду делать. Что, кроме охраны? Жить на пенсию? Это невозможно. В охранники я не пойду ни за что. Жена говорит, что я там спокойно найду работу, нормальную. Во всяком случае мы на социальные пособия сидеть там не будем, не те мы люди, работу найдем.

Простились.

Почему-то именно это событие меня сильно травмировало. Я задумался над своей жизнью и своими перспективами. Что меня ждет? Может, всё бросить и уехать куда-нибудь? Может, начать все заново? Еще не поздно. Мне всего-то двадцать восемь лет.

Как так может у нас в стране все это происходить? Комбат, зная, что совсем скоро он будет жить совсем в другой стране, в Германии, зная, что ему надо уже думать о совсем другой жизни и проблемах, настолько был предан нашей армии, что готов был, несмотря ни на что, уехать на войну и командовать там батальоном?! Это просто не укладывалось у меня в голове. Язык не повернется назвать его непатриотом.

Вместо комбата никого не назначили, сказали, что на его место приедет офицер из Забайкалья, а до его приезда командовать батальоном буду я.

Обязанности комбата не оставляли мне много времени на посторонние размышления, хоть и командовать таким батальоном было одно удовольствие.

Танковый батальон очень небольшой по количеству личного состава, много офицеров, все солдаты и сержанты приходят в батальон уже после учебных подразделений, специалистов нет вообще, можно в таком батальоне навести образцовый порядок. Моя же задача была еще проще – сохранить то, что оставил предыдущий командир, теперь уже рядовой гражданин Германии. Человек, который больше два-

дцати лет готовился воевать с вероятным противником — НАТО, теперь сам уехал жить в страну НАТО.

В одно из воскресений, в день второго тура выборов Президента России, для организации голосования мне надлежало прибыть в полк и лично проконтролировать голосование личного состава своего батальона, который нес службу в караулах и внутреннем наряде. Традиционно явка должна была быть 100%. Именно такая стояла передо мной задача. Которую выполнить было легче простого. Солдаты и сержанты полка должны голосовать в одной из школ города, а личный состав, находящийся в караулах и в других местах несения службы, должен опускать бюллетени в переносную урну. Этим делом занимался один подполковник на майорской должности из управления полка, должность его называлась «психолог» (в то время ввели такую должность в полках и занимали ее самые бестолковые и бесполезные из бывших политработников). Будучи немного навеселе, он мне рассказал, что для караулов и иных людей, находящихся в отрыве, подготовлено две урны. В одну урну солдаты реально будут бросать бюллетени для голосования, а другую урну отдадут в избирательную комиссию, там уже все бюллетени «правильные».

В это время в полку никто и ни с кем не говорил о политике, за исключением, естественно, политики на Кавказе. Прошли те времена. Подполковник не знал моих политических убеждений, но был уверен, что я против Ельцина, естествен-

но. Тогда все считали его просто дураком, и я в том числе. А раз против Ельцина, значит за Зюганова. Как бы не так! Он жестоко просчитался. В любом случае я проголосую против коммунистов, даже если их соперником будет Ельцин. А если выбор: или Ельцин, или Зюганов, то мой выбор однозначный – Ельцин. Но подполковник сказал мне по секрету, что всё устроено против Ельцина, за коммуниста Зюганова.

У меня план созрел мгновенно. Урны были совершенно одинаковые, и только на одной из них была наклеена ленточка красной изоленды, которая должна была быть сдана в избирательную комиссию, в этой урне все бюллетени за коммунистов. Эту урну поставили в комнату отдыха дежурного по полку. Дежурным по полку стоял один из командиров рот из моего батальона. А психологу помогал один из дневальных по штабу полка, тоже из моего батальона.

После того как выездное голосование закончится, необходимо было урны подменить, и психологу проконтролировать сжигание честной урны на мусорке полка. После чего отвезти нужную, коммунистическую, урну в избирательную комиссию.

Я быстро предупредил своего командира роты и дневального по штабу, чего я хочу, и приказал строго-настроено молчать.

Уже к одиннадцати часам утра все было кончено. Подполковник уехал в свою избирательную комиссию.

Я был очень доволен, что не просто не дал забрать голо-

са у Ельцина, но еще не дал возможность коммунистам всех опять обмануть, чем они, эти проныры, обычно и промышляли. Еще больше меня успокаивало то, что я как раз был на стороне закона. А эти махинаторы – ворье.

Тем не менее, все оказалось не так просто. Уже утром на построении командиров батальонов, дивизионов, отдельных рот командир полка приказал отправить к нему в кабинет командира роты и того самого дневального по штабу.

Я забеспокоился. Впрочем, оба моих подчиненных ушли «в полное отрицание» окончательно и бесповоротно. А подполковник с утра начал получать нагоняй за всё что только можно. Мне было не то что не жаль этого незадачливого психолога, но я был даже рад, что он наказан за свою «хитрожопость». К тому же я очень не любил этого подполковника, догадывался, что, когда были политорганы и у него была большая власть, он был конченным мерзавцем и испортил жизнь многим достойным офицерам. Человек был очень непорядочный. Поэтому поделом. Тем более мои личные убеждения говорили о том, что воровать голоса народа – это низость, в чью бы сторону это не происходило. Это как обожрать солдата. Никогда!

Позднее я узнал, что мой командир полка уже принял решение увольняться, ждал приказа и должен был возглавить местное отделение КПРФ. Все, кто знал его давно, еще со времен СССР, никогда бы не подумал, что он опять «заделается» коммунистом. Все мы знали, что он является жесто-

чайшим ненавистником замполитов и терпеть не мог коммунистов, хоть, естественно, и состоял в свое время в КПСС. Просто человеку предложили достойное место в этой партии и мандат городского депутата. Хорошее трудоустройство на «гражданке», ничего не скажешь. Ничего у коммунистов не меняется! Всё у них как обычно.

Наконец наступила пора поступать в академию. Я прекрасно знал, что из себя представляет этот неприятный процесс, и был полностью к нему готов. Все прошло очень удачно. Я поступил. Видимо, замкомандующего армией меня не обманул, действительно, чувствовалась какая-то посторонняя помощь. Я не надеялся на него совершенно, но не забыл его слова. Выходит, я кому-то нужен, есть до меня дело.

Хотя к этому времени я совершенно не верил словам генералов. Для генерала советской эпохи пообещать и не сделать было нормой. Как правило, это были совершенно бесовские люди, которым надо было решить вопрос здесь и сейчас, а что потом – их не интересовало. Поэтому генералы разбрасывали обещания направо и налево и даже не думали их выполнять.

Вернулся в полк. Пока меня не было, пришел новый комбат.

Наконец, пришел вызов из академии. Я его ждал каждый день, с большим нетерпением. Был полностью готов немедленно убыть. Собрался очень быстро. Все оружие я перевез заранее на дачу к родителям Аллы, предварительно обгово-

рив все это с ее отцом.

Отец Аллы очень обрадовался, что у нас есть оружие, и предложил мне очень хорошие условия для его хранения.

Теперь мне предстояло три года быть в положении слушателя военной академии и отвечать только за себя. Вот это удача! Это неопиcуемый кайф.

Глава 2

Город Москва. Сентябрь 1996-го года.

Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации. Самая настоящая кузница наших армейских генералов. Мечта каждого общевойскового командира, прямая дорога к должности командира мотострелкового (танкового, парашютно-десантного) полка, а там один шаг до академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. До октябрьского переворота 1917 года именовалась Николаевской академией Генерального штаба, и не было во всей Российской империи более достойного военного учебного заведения.

Приятное ощущение перед получением новых знаний, даже трепет. Я соскучился по учебе, мне казалось, что в войсках я вообще отупел и разучился учиться. Действительно, бывало, что читаешь какой-нибудь приказ министра обороны, утвердивший какое-нибудь объемное наставление или руководство, и с первого раза даже не понимаешь, что там написано. А учитывая то, что в войсках совсем не было литературы о новом в военном деле, возникло полное ощущение отсталости, ведь все мы хорошо понимали, что военная наука все эти годы, пока мы были в войсках, не стояла на месте и поднималась на все более высокий технический и технологический уровень. И то, что наши генералы ничего об

этом не знают, не означает, что офицеры передовых армий мира всем этим новым не овладевают.

Мои сокурсники приехали из разных уголков страны, очень разные люди с разным опытом. Среди слушателей были Герои России и награжденных было много, у некоторых наград побольше моего.

Первое впечатление. Отношение к слушателям в академии просто скотское.

Денежное довольствие не выплачивается, жилье семейным офицерам не дали. Дошло до того, что некоторые из моих сокурсников не каждый день кушали. Поэтому офицеры быстро начали искать подработку. Так, уже в конце октября все мои сокурсники работали в охране, в основном в «Лужниках», некоторые занимались частным извозом. Исправно отчисляя часть заработанных денег в качестве мзды командованию. Этот платеж среди офицеров, приехавших с востока страны, получил название «хабар», намекая на азиатское, восточное происхождение этого очень позорного явления и тем самым показывая пренебрежение к этому явлению. Я этим словом не пользовался, оно меня раздражало во всех смыслах. Первое время я даже подумал, что эта академия способна только искалечить. Опять же, совсем не так я представлял учебу в академии. Получается, что я, молодой еще офицер, жил какими-то представлениями середины семидесятых годов, то есть впечатлениями сослуживцев отца, и не удосужился порасспросить как следует выпускников по-

следних лет, хотя такая возможность у меня, конечно, была.

Многие слушатели были еще полны некоторых иллюзий о чести, долге, честной службе. Но столкнувшись здесь с тем, что все решается, но для этого нужны деньги, и только деньги, ничего кроме денег, быстро ожесточились, появилась злость. Позже этот цинизм перестали скрывать. Не говорили, но я чувствовал, что некоторые затаили обиду на всех и вся, решили для себя просто терпеть и ждать, когда придет их время и они возьмут своё сполна.

У меня не было нужды искать подработку. У нас с Аллой не было нужды ни в деньгах, ни в жилье и вообще ни в чем. Я с жадностью и даже с некоторым остервенением ушел в учебу.

В конце октября родилась дочь. Теща сразу принялась нам сильно помогать. Я как гражданский человек вовремя приезжал домой, ужинали, купали ребенка. Было легко. Всё что надо можно без всяких проблем купить в магазинах. А ведь еще три года назад невозможно было что-то купить, дефицит, очереди, знакомства. Сейчас нужны только деньги. Никаких знакомых в торговле, ничего не нужно, кроме денег. А деньги, если есть большое желание, можно заработать. Именно эти изменения в стране мне очень нравились. Да, к этим изменениям трудно приспособиться, особенно армейским офицерам. Тем более в подавляющем большинстве никто из нас не имел никакой коммерческой жилки, просто даже мозг не был на это настроен. Да и сама армейская

среда, она всё-таки была оторвана от общества, от «рынка» и постепенно превращала нас в абсолютно не приспособленных к гражданской жизни людей. До меня впервые четко дошло, что именно поэтому мы, офицеры, нуждаемся в большой пенсии, ведь большинству из нас предстоит выйти на пенсию в возрасте 45—55 лет, то есть еще в трудоспособном возрасте, но будем мы уже совершенно не приспособленные к гражданской жизни, станем в какой-то степени даже асоциальными людьми.

В один из дней собрали гостей отметить рождение дочери. Я пригласил Игоря Копылова, он приехал с женой. Познакомились. Приятная девушка. Жены сразу нашли общий язык, что доставило двойную радость. Я внутренне очень боялся, что наши жены будут очень разными, не найдут общий язык и, как следствие, у нас с Игорем возникнут препятствия для дружбы. Его жена тоже из обеспеченной семьи, отец жены очень большой начальник в ФСК. Поговорили с Игорем и выяснилось, что именно отцу жены Игорь обязан тем, что попал служить в Москву.

– А как же он тебя отпустил в Чечню?

– Это был риск, но тесть мужик принципиальный и хотел, чтобы моя карьера была безупречной, поэтому совершенно осознанно отправил туда, еще в ноябре, все-таки не предполагая, что там будет в действительности происходить. Правда, когда узнал, то сказал мне, что больше я туда не поеду.

– Да, тут уж никакой карьерой не оправдаешься перед

дочкой и внучкой, если что....

– Вот именно. Он все узнал в подробностях о спасении моей группы и агента. О тебе расспрашивал, говорит, что готов тебе помогать, если понадобится, есть такая возможность у него.

– Спасибо, Игорек, если что, не откажусь.

– Вот именно. Не хватало еще отказываться.

В отличие от своих сослуживцев, я хорошо высыпался и занятия не пропускал, мог полностью сосредоточиться на учебе. На самоподготовке я тоже время зря не терял. Результат дал о себе знать в первую же сессию. У меня были только отличные оценки.

Остальные мои сослуживцы владели жалкое существование. Все заработанные деньги они отправляли своим семьям, а те, которые смогли привезти семьи и снять квартиры в Подмоскowie, тем было ещё тяжелее. Денег никому не хватало, ведь часть из заработанных денег слушатели отдавали командованию, чтобы, уходя на дежурства, они могли пропускать занятия без последствий. Нищета полнейшая, многие могли позволить себе покушать только раз в день, да и рацион был своеобразный: китайская лапша, хлеб, майонез, чай или растворимый кофе. Конечно, никто в голодные обмороки не падал, потому что все-таки в любом случае один раз в день купить батон и майонез могли. Наше командование и преподаватели никому никаких скидок не делали, даже по физической подготовке. По физической подготовке,

точнее, тем более не делали, хотя некоторые от бесконечных дежурств в охране и скудного питания засыпали «на ходу».

Пребывая в таком нищенском и унижительном состоянии, мои сослуживцы испытывали еще и большие нравственные страдания от самой работы охранника. Морально-психологическое состояние моих сослуживцев было на крайне низком уровне. Недовольство было всеобъемлющим, и особую неприязнь у них вызывал Ельцин, впрочем, Зюганов и коммунисты вызывали не меньшую брезгливость.

Некоторые офицеры, устроившись в охрану, продолжали искать более подходящую работу. Не находили и еще больше злились. Озлобление было невероятным. Один из офицеров, статный, высокий и красивый, перед поступлением в академию занимавший уже должность командира мотострелкового батальона, как-то сказал, что ему предложили уйти из охранников и предложили работу лакея у входа в казино, у лакея зарплата в четыре раза выше, чем десять в месяц суточных дежурств охранника. Эта работа была еще более заманчива, так как ему предстоит работать только в вечернее и ночное время, то есть не надо будет пропускать занятия и соответственно платить мзду командованию. Когда он это сообщил, в классе повисла тишина. Никто не готов был так вот с ходу согласиться работать лакеем, и поэтому никто не предложил ему немедленно хвататься за такое удачное предложение. То есть даже само название этой должности вызвало полную оторопь. Все ждали, что решит наш сокурсник.

Да, красиво бы было гордо отказаться от такой подработ- ки, но правда жизни выглядела иначе. Этот офицер ушел из охраны и выбрал работу стоять в ливрее у очень знаменитого казино, с удовольствием принимая большие чаевые в каче- стве дополнительного и очень большого заработка. Вот так всё это выглядело. Как он после такого сможет быть началь- ником штаба полка, командиром полка? Как? Как вообще после этого можно быть офицером? У меня тогда это совсем не укладывалось в голове. Не будет преувеличением сказать, что для меня и всех сокурсников это было самым настоя- щим потрясением. Можно прямо сказать, что в Москве мы опустились на самое дно и многие из нас не смогли достой- но пережить это унижение, готовы были пойти на все что угодно, чтобы обеспечить себя этими самыми деньгами, да- же на преступления. Можно сказать, что я даже заподозрил как-то троих своих сослуживцев в разбойном нападении на каких-то гостей из Закавказья, точнее, на их черную кассу маршрутного такси в районе метро «Пражская». Просто слу- чайно услышал обрывок их разговора, но сделал вид, что ни- чего не слышал. Разумеется, я в этом их не осуждал и, на- оборот, считал, что такой промысел гораздо лучше, чем ра- бота в охране или лакеем.

Позже эти трое мне предложили поучаствовать в ограб- лении одного полковника милиции, который, по их наблю- дениям, жил сильно не по средствам и который совершенно случайно попал в поле их зрения. Я отказался.

Однако через несколько дней я заметил, что у ребят появились деньги, некоторое время спустя из официальной хроники я узнал, что на очередного принципиальнейшего борца с уголовной преступностью в его загородном поместье совершено нападение с целью мести и теперь у всей столичной милиции появилось очередное «дело чести».

Опять сломалась машина. Мне не хотелось трогать имевшиеся у меня деньги из тех, что остались после покупки квартир. Полностью быть на содержании Аллы и её отца для меня было унижительным, и я начал думать, как заработать деньги.

За этими мыслями я прочитал объявление о продаже новых машин. Продавались ВАЗ-2109 по соблазнительно низкой цене.

После занятий я поехал в то место, где их продавали, на станцию метро «Текстильщики», с целью попробовать понять, как устроен их бизнес по торговле продукцией отечественной автомобильной промышленности, под видом покупателя. Уже предполагал, что скорее всего гоняют машины из Тольятти, а здесь продают. Я тоже мог бы гонять машины оттуда, но как продавать, не знал. Точнее, не знал, как все это должно работать.

Промышляли этим бизнесом кавказцы. Рядом с метро огородили стоянку, поставили небольшой вагончик и торговали «ГАЗелями» и продукцией ВАЗа.

Пришел. Посмотрел. Все машины новые, прямо с завода.

Видел, как показывают машины, как берут деньги. Ушел.

Вместо идей по организации бизнеса созрела идея их ограбить. Вот такая незадача, ну нет у меня коммерческой жилки.

С другой стороны, подумал, как совсем обнаглели кавказцы. Торгуют машинами прямо у метро, страх потеряли. Как они смогли решить вопрос, чтобы им дали землю под торговлю у метро? Вот в чем изюминка бизнеса, просто надо решить вопрос со стоянкой для машин. Кто же мне место даст! А им дадут. Вот в чем, оказывается, коммерческая жилка. Все просто. Знают нужных людей и подкупают. Какой это рынок? Какая коммерция? Все остальное я вполне могу организовать. Нет проблем. Поведение у них, как у хозяев жизни. Очень нагло себя ведут. Нанимают для ночной охраны сторожей из задолбанных жизнью и слишком уж законопослушных офицеров.

Предупредив жену, что иногда буду приезжать поздно, я начал отслеживать движение машин, время, когда сами хозяева уезжают, приезжают. На ночь на стоянке, с девяти вечера и до восьми утра, остается охрана – такие же офицеры, как наши, только из другой академии, мой наметанный взгляд сразу это вычислил.

Наблюдал со стороны, находясь на расстоянии. Все тщательно записывал в блокнот. Анализировал.

Больше всего продаж по субботам. К вечеру они собираются у себя в вагончике и там их можно брать. При малей-

шей опасности убивать, сразу. Ни в коем случае не допускать ранения, криков.

По субботам мы учились, но уходили раньше, без самоподготовки.

Оделся в темную гражданскую одежду. Взял один ТТ и один ПБ. Машину оставил дальше во дворах. Все просчитано. На сей раз продумано все основательно.

Начало девятого, стоянка плохо освещается. Кружит снег. Мороз. Их трое, и они хорошо видны в своем вагончике с включенным светом. Сегодня торговля у них удалась. Пьют чай и играют в нарды.

Иду не спеша, открыто, через вход, делаю вид, что сильно замерз. На глазах обычные очки, со стеклами без диоптрий, шея до самого носа замотана шарфом. По дорожке мимо стоянки продолжает ходить народ, по Волгоградскому проспекту сплошной поток машин.

Меня увидели, и один из них вышел встречать, дверь плотно закрыл.

– Что хочешь, брат? – дружелюбно спросил меня кавказец.

– «ГАЗель» надо, – ответил я.

– Смотри любую. Дешево отдам.

– Пойдем, гардаш, покажешь, – сказал я, повернувшись спиной к вагончику, обняв продавца за плечи и наставив ПБ ему в живот.

Кавказец сильно перепугался.

Я еле слышным голосом добавил:

– У меня пистолет с прибором бесшумной стрельбы. Я пришел у вас забрать деньги. Только деньги. Жизнь забирать не хочу. Сейчас мы с тобой идем в вагончик, я укладываю вас всех на пол, надеваю наручники, забираю деньги и ухожу. К девяти вечера придёт ваш охранник и начнет освобождать. Я уже буду далеко. Поможешь мне?

– Помогу, дорогой, только не убивай.

– Заходим в вагончик.

Я встал за его спину и воткнул пистолет ему в поясницу. Вошли. Закрыв за собой дверь. Остановил своего заложника.

– Быстро на пол упали, твари! Убью, если пикнете!

Меня не послушали. Остались сидеть на своих местах и смотрели на меня перепуганным взглядом.

– Быстро, бл...ь!

Я выстрелил в потолок и выключил свет. Двое мгновенно легли на пол. Достал наручники.

– Надень их сзади на этого, – я показал на ближайшего лежащего.

Потом приказал надеть наручники на второго, а потом сам надел наручники третьему.

Свет от фонаря, освещавшего стоянку, частично падал в вагончик.

Денег было много, только доллары, скинул их в сумку. Обшарил каждого, тоже нашел много денег. Нашел гильзу и за-

брал ее. Пистолет я не хотел выбрасывать.

Вышел из вагончика. Сразу услышал громкий голос. Открыл дверь и произнес:

– Убью, если не заглохнешь.

Взял со стола ключи от вагончика. Закрыв. Ключи вышвырнул в сторону шоссе в жижу. Быстро пошел. Шел к жиловому дому. Зашел за него, потом выглянул. Всё тихо. Быстрым шагом дошел до машины, сел в нее и поехал на дачу.

Вот так всё просто, как обычно. Да, это стало уже обыденным. Так получается. Вот такие мы бывшие советские, а теперь российские офицеры пехоты. А не надо было нас до этого доводить, ведь настолько оборзели, что даже здесь, в Москве, вы опаздываете с выплатой денежного довольствия на два месяца, даже такого мизерного. Кроме того, я ограбил непрошенных гостей из бывшего СССР из Закавказья, оттуда, где нам орали: «Убирайтесь, оккупанты!» Я вам это никогда не забуду и не прощу. Всю жизнь буду мстить, при случае. Кто оккупант? Мы русские оккупанты? Это вы здесь всё оккупировали, а нас у вас не найдешь. Если на их месте были бы наши ребята, я бы не стал их обижать, даже если были бы «бандюки». А этих можно, этих нужно. Почему? Да хотя бы потому, что я знаю, что, если бы русский попробовал у них там заняться коммерцией, он бы костей не собрал. А им здесь все двери открыты. Вот такая моя теория. И плевать мне, кто и что по этому поводу думает. А если бы они оказали сопротивление? Убил бы? Никаких сомнений. Легко.

Опять же, куда смотрят эти наши хваленые «бандюки», почему не обложили этих гостевых торговцев непомерной платой? Плохо наши бандиты работают. Плохо. Объявляю вам «выговор».

Почистил и спрятал пистолет.

– Ты где был? Почему так поздно? – спросила меня Алла.

– Подработка хорошая подвернулась, не мог отказаться.

– Что за подработка? У нас есть деньги. Чего ты переживаешь?

– Будет больше. Деньги к деньгам. Завтра будем машину выбирать, иномарку.

Я пошел в душ, а Алла принялась считать деньги.

– Где ты столько заработал?!

– Врать не буду тебе, а правду не скажу. Лучше скажи, что думаешь, куда их пристроить?

– А что тут думать? Квартиры купим. Есть отличные варианты. Или погорим с отцом, можно вложить в коттеджный поселок, который он строит. Ему тогда занимать у других меньше придется. Но ты мне всё-таки должен сказать, что ты натворил?

– Хорошо. Скажу. Без подробностей. Я совершил ограбление, без убийств. Легче стало? Да, именно ограбление. Или разбой? Я не понимаю разницу. Наплевать. Теперь ты знаешь правду. Не читай мне морали. Я не пойду работать в охрану! Понимаешь? Для меня это унижение. Я не смогу просто. Лучше сразу пулю в лоб. И жить за счет твоих роди-

телей просто унизительно для меня. Я хочу быть сильным и не зависеть ни от кого.

– Поняла. Успокойся. Пообещай, что так поступать больше не будешь. Я просто тебя прошу.

– Если надо будет, еще раз, и не раз, поступлю так же. Перестану так делать, когда государство обеспечит меня так, чтобы я не задумывался над всеми этими гребаными бытовыми проблемами. Жизнь без денег или за счет родственников – это унижение моего личного достоинства, моего командирского существа. А ты хочешь, чтобы я как травоядное животное работал лакеем? Ты этого хочешь? Не будет этого никогда! Никакой охраны и прислуги из меня вы не сделаете! Не бывать этому! Никогда вы не сможете так меня унижить! Я буду драться за себя до последнего, понимаешь? – в конце фразы я уже сорвался на крик.

– Успокойся. Успокойся. Я тебя очень прошу. Я просто хотела сказать, что нет смысла так рисковать.

– Ты знала мой характер, когда замуж выходила. Я такой. Не пробуй меня перевоспитать. И знай, для семьи я сделаю всё, что только можно. Я хороший семьянин, не подведу.

На следующий день мы с Аллой поговорили с ее отцом и пришли к выводу, что деньги вложим в строительство поселка (на меня будет оформлена доля в его деле), а я куплю себе пригнанный из Германии «Опель». Новую и дорогую машину я сам не хотел, не хотел как-то слишком выделяться перед сокурсниками. Покупкой займется специа-

лист из фирмы отца Аллы, потому что среди подержанных иномарок слишком много машин, собранных из обломков в Польше и Литве, и я сам не разберусь в таких вопросах.

Отец Аллы любил со мной посидеть и выпить, я тоже. Каждую субботу я приезжал к ним на дачу. Все выезжали туда в субботу утром, и к моему приезду там была всегда готова баня. Мы с тестем парились, потом ужинали. Он очень хотел, чтобы я уволился и помогал ему. В итоге мы с ним договорились, что я начну вникать в его дело.

Я порешал вопрос в академии и теперь буду уходить сразу после занятий, не оставаясь на самоподготовку, если надо – буду пропускать учебу, но я этого не хотел. Только в случае крайней необходимости. Все свободное время я буду заниматься вопросами, которые мне будет поручать тесть. Изначально мы с ним договорились, что я не буду курировать вопросы безопасности, так как мне это совсем не интересно. Тесть меня заверил, что этого не требуется, так как этим занимаются настоящие профессионалы.

Решить вопрос с начальником курса стоило небольших (для меня) денег. Я мог уходить в любое нужное для меня время.

В офисе первым делом я занялся тем, что изучил, какой отдел или специалист чем занимается. Потом изучил планы застройки. Выехал на местность и все осмотрел. Особое внимание тесть просил уделить вопросам управления поселком, после того как построенное начнет продаваться. Это было

«непаханое поле».

Эта гражданская работа мне очень понравилась, но я с большим трудом переключался с военных предметов в академии на чисто гражданские вопросы, и наоборот.

Однажды я приехал к метро «Текстильщики». Преступника тянет на место преступления, проверено. По всему выходило, что теперь на стоянке круглосуточно дежурил омоновец с оружием.

Частенько мои мысли возвращались в Чечню. Мне не с кем было их обсудить. Боевой опыт никого в академии не интересовал. Безусловно, академия расширяет кругозор военного человека, помогает смотреть на всё с более высокого уровня, но в ней продолжали готовить офицеров к войнам фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, полками с НАТО и НОАК. Хотя уже тогда нам начали кое-что говорить о теории бесконтактного боя, о появившихся в армиях США и Израиля ПБЛА (беспилотных летательных аппаратах), автоматизированных системах управления (особенно в артиллерии), средств разведки и наблюдения, связи и много чего другого, для меня крайне интересного. Разумеется, само появление этих новинок в передовых армиях неминуемо приводило к изменению тактики ведения боевых действий и, как следствие, отражалось на оперативном искусстве. Нам рассказывали, иной раз и показывали, различные разработки нашей промышленности, которые никак не могли пойти в серийное производство из-за отсутствия денег и, соответ-

ственно, попасть в войска. А как бы они нам пригодились! Сколько жизней они могли спасти! Эти новые образцы могли кардинально поменять характер боевых действий в Чечне, коренным образом повлиять на действия мотострелковых, танковых и артиллерийских подразделений. Но больше всего они смогли бы повлиять именно на пехоту. В итоге вместо положительных эмоций мы заряжались еще большей злобой на руководство страны и этих самых «олигархов».

Я часто ставил себя в роль командира полка, накладывал на это то, что пришлось пройти в Чечне, и ответов не находил.

Самое главное – было непонятно, как воевать с этим чеченским народом. Как воевать с обученным и высокомотивированным мужским населением, с ненавидящим нас гражданским населением. Как их победить, если наш русский народ воевать не хочет вообще. И не надо мне отвечать догмами марксизма-ленинизма, что, дескать, народ победить нельзя. Можно, но методы должны быть соответствующие. Не надо говорить мне, что мы не воюем с чеченским народом, что мы воюем там с боевиками, а народ ни при чем. Бесполезно мне это говорить. Именно с народом воюем. Именно. Если бы народ нас поддержал, тогда бы мы там победили и без таких огромных жертв. Но мы потерпели горькое поражение. Для меня, опять. С Южного Кавказа уехал с чувством поражения, теперь с Северного Кавказа с такими же чувствами. Сколько можно? Когда же мы начнем побеждать? Как хочет-

ся ощущать себя победителем. Представляю, как было здорово нашим дедам, тем, кто дожил до победы. А мне не давали покоя мысли о погибших и раненых бойцах моей роты, да и всего батальона. И самое обидное, что всё зря и ни за что.

Нет, командир должен быть бездушным, как те генералы, которые командовали нами в Чечне. Не должно быть какого-то морализаторства, всякой толстовщины и достоевщины. Надо легко относиться к утрате боевых товарищей. Надо воспитывать в себе бездушие, такой «пластиковый» подход, циничный и безнравственный. Иначе мне генералом не стать, а я хочу. Да, мне не стыдно это говорить прямо. Да, я очень желаю стать генералом! И не однозвездным генералом, а генерал-полковником. Это моя действительная, честная цель по службе. Надо заставить себя относиться к гибели просто. Погиб значит погиб. Пополнят, не моя проблема. А я про себя нюни распускаю. Слабак. Надо в себе выжигать всю жалость, не думать вообще на эти темы. А я, наоборот, нашел время и перед академией перечитал Льва Николаевича Толстого. Ну кто так делает?! Интеллигентик нашёлся. А еще пехотинец! Представляю, что на это сказал бы тот генерал, что командовал нами во время бакинских событий. Что? Художественную литературу читаешь? Что, делать нечего? Что, всё прочитал по военному делу? И так далее. А может, внутри он совсем не такой? Не знаю. Может, и двуличный. Но не похоже. Он настоящий сталинист, точнее, джугашвилист. Хорошо, что его из армии прогнали, зато в

Госдуму устроили. Что бы я о нём не думал, но он откровенный человек, вот и сейчас сидит там, в Госдуме, у коммунистов, естественно, и порет такое, что мне за всех офицеров нашей армии стыдно. Но как воспитать в себе это безразличие? Как перестать думать на эти темы? Эх, зря родители меня заставляли читать и выполнять всю школьную программу по чтению и литературе. Зачем? Зачем я читал всю эту русскую классику? Вредно её читать. Без нее легче жить. Сразу станет всё проще.

Действительно, что наш народ думает про армейских офицеров? Ответ известен. Думает, что у хорошего офицера – одна извилина, да и то от фуражки. «Сапог», одним словом. А что сами офицеры говорят про таких, как я, про пехотинцев? Тоже ясно. Что таких тупых и дурных, как мы, просто нигде не найти. Что пехотинцы умеют, кроме строевой подготовки? Ничего. Так думают самые дебильные. Куда нам до их величества ракетчиков или там спецназовцев! Понятно. Правда, такое мнение война опять подпортила. Те, кто поумнее и понаблюдательнее, уже поняли, что эта война вынесена опять именно на плечах мотострелковых полков и бригад, без подготовки и вообще без всего. Армия-то свою задачу выполнила как смогла, и опять же на плечах всё той матушки-пехоты. Вот такая незадача вышла. Можно демонстрировать свои сверхнакачанные участки тела и жонглировать пулеметом как палочкой, но в бою всё решает плюгавенький наводчик-оператор танка, БМП, такой же гранатометчик и

пулеметчик. А как их, извиняюсь за выражение, «обсе...ли», сколько ушатов помоев эти все крутышки вылили на нашу пехоту! Гады! Какое вы имеете право так говорить? Несправедливо все как! Нет, это надо как-то изменить. Только такой как я, когда пробьется хотя бы к должности командующего войсками округа или Главнокомандующего сухопутными войсками, сможет всё изменить и поставить на своё место. Если пробьюсь, у меня все изменится, у меня пехота станет самой главной, как и есть по всей военной науке, во всех армиях мира. Надо будет ставить работу по созданию книг и кинофильмов про пехоту, про настоящую. Да, у меня есть цель, и я к ней пойду по-умному, не напролом. Ближайшая задача – красный диплом академии.

Хоть войска к тому времени и были выведены из Чечни, тем не менее, ни у кого из слушателей не было сомнений, что нам придется воевать на Кавказе. Надо готовить к этому войска. Но информация, пришедшая из войск, говорила об обратном. Войска находились в очень плохом состоянии. Хроническое необеспечение денежным довольствием офицерского состава привело к тому, что это уже считалось нормой. Боевая подготовка отсутствовала из-за необеспеченности ГСМ. Укомплектованность частей находилась на предельно низком уровне. Деграция продолжалась. Теперь, еще через некоторое время войска получают наших выпускников на должности минимум командира батальона, а чаще начальника штаба полка или заместителя командира полка.

Трудно себе представить, что, пройдя «такое» обучение и так выживая, эти офицеры будут вести абсолютно честный образ жизни, не станут участвовать в хищениях и прочих плохих делах. Более того, я был уверен, что когда мои сослуживцы вернутся в войска, то пустятся во все тяжкие. Натерпевшись и настрадавшись, увидев, насколько все прогнило, они неминуемо придут к выводу о том, что пришла теперь их очередь. Хотя всё-таки далеко не все так станут поступать, но всё же найдется таких немало.

В августе 1997-го года мне удалось собрать вместе Кузнецова, Прохорова, Герасимова и Василевского. Собрались мы в небольшом ресторанчике в центре Москвы. Оплатил его я, хоть офицеры и сопротивлялись.

Все выздоровели. Прохоров уже вовсю командовал ротой в Мулино, награжден орденом Мужества, медалью «За Отвагу», медалью Суворова.

Кузнецов уже был замкомбата в Гусиноозерске, поступил в мою же академию. Будет на курс младше учиться. Награжден двумя орденами Мужества.

Герасимов был начальником штаба батальона в Сковородино, поступил в нашу же академию. Тоже приехал учиться. Будет на одном курсе с Кузнецовым. Тоже награжден двумя орденами Мужества.

Василевский поступил на военно-юридический факультет Военного университета в Москве, с должности заместителя комбата по воспитательной работе на Сахалине. Будет

учиться очно, три года, станет военным юристом, судьей. Награжден орденом Мужества. Если станет военным судьей, то для армии будет большая польза: именно из таких офицеров, прошедших войну, знающих военную службу, и должен формироваться состав военных судов.

Насчет службы у всех было самое мрачное настроение. Все верили только в худшее.

Но самое интересное рассказал Сашка Прохоров. Ему пришлось в 1996 году повторно поехать в Чечню, и оказался он в Грозном, когда его захватили боевики.

– Лебедь, конечно, большой рисовщик, и я его презираю. Но мы буквально молились на него, молились, чтобы он подписал соглашения с чеченцами. Там, в Грозном, был слоеный пирог, то есть еще хуже, чем, когда брали Грозный первый раз. Если бы пришлось там воевать, то нам было бы плохо. Все наши сильные стороны при бое в городе, были нивелированы, зато превосходство чеченцев в индивидуальной подготовке бойцов вышло бы при таком характере боевых действий на первый план. Повезло.

– Да и вообще хорошо, что Чечня стала независимой от нас, а мы от нее. Надо строить скорее настоящую границу, с зоной отчуждения, хорошо простреливаемой, – добавил Кузнецов.

– Это ты правильно говоришь. Но я вот думаю, а могло ли быть иначе? Почему чеченцы так ожесточенно воевали против нас? Ставлю себя на их место. А как могло быть иначе?

Представьте, что кто-то начал бомбить любой русский город, в котором погибают все без разбору. Мирные жители, в основном, военных мало это задевает. Как бы мы отнеслись? — заметил Герасимов.

— Да, и это вместо того чтобы снять трубку и поговорить по телефону с Дудаевым, — добавил я.

Мы радовались, что остались живы, радовались, что все поступили в академии, кроме Прохорова (ему еще рано). Разумеется, вспомнили всех и всё.

Расстались, договорившись регулярно встречаться.

А у меня появилась новая забота: Коля, Андрей и Гена попросили помочь устроить их на подработку, по ночам или как получится. Денег у них нет совсем. Я обещал подумать.

В субботу поговорил насчет трудоустройства с тестем. Попросил.

Через несколько дней тесть дал ответ.

Проще всего с будущим юристом, Геной. Он будет подрабатывать при юридическом отделе, совмещать подработку помощника юрисконсульта с курьером. Приходить на работу после занятий в университете и уходить как придется. Но он не будет мальчиком на побегушках. Все предупреждены, что он не мальчик и его надо уважать. По мере того как он будет обучаться в своем университете и непосредственно в отделе, ему будут поручать более сложные вопросы. Зарплата очень большая по сравнению с его офицерской. Гена был очень рад и сильно меня благодарил. Быстро договорился со своим на-

чальником курса в университете (конечно, за деньги) и уже через два дня вышел на работу.

Андрею и Коле могут предложить работу водителей «ГА-Зелей» и охранников (в офисе).

Я дал выбор Андрею и Коле. Оба выбрали работу сменного водителя, друг друга будут менять. Зарплату тесть им назначил нормальную, все довольны.

Собрал всех троих в чешской пивной и строго проинструктировал, чтобы они не надеялись на мои родственные связи, а наоборот, сделали так, чтобы меня благодарили за их старание.

В одну из суббот в начале февраля 1998 года тесть приехал на дачу с большой задержкой. Я уже парился в бане.

Тесть был крайне взволнован. Потом мне рассказал, что не захотел лишний раз обращаться к своей крыше и вынужден был откупиться от каких-то залетных, наехавших на него чеченцев. Посчитал, что ему так проще и спокойнее, чем ждать потом от них мести. Тесть навел о них справки, выяснил, что эти чеченцы – полные отморозки и все их боятся. Я попросил для интереса дать мне эту справку почитать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.